

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

О. Ю. Адамс, Цян Чун

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 7 мая 2025 г.

Аннотация: статья посвящена анализу влияния цифровых технологий на политические процессы и дипломатическое взаимодействие. Предпринимается попытка постановки исследовательской проблемы – определения возможностей и вызовов цифровизации для политических институтов и дипломатического взаимодействия в глобальной системе. Используются методы институционального и сравнительного анализа, а также контент-анализ нормативных и стратегических документов. Работа раскрывает концепт цифровой уязвимости демократии и проблематику цифрового суверенитета в международной политике. Сделан вывод о необходимости нормативной адаптации демократических систем к вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая дипломатия, демократические режимы, политические институты, цифровой суверенитет.

Abstract: the article analyzes the impact of digital technologies on political processes and diplomatic interaction. An attempt is made to define the research problem – to determine the opportunities and challenges of digitalization for political institutions and diplomatic interaction in the global system. The methods of institutional and comparative analysis, as well as content analysis of normative and strategic documents are used. The paper reveals the concept of digital vulnerability of democracy and the problem of digital sovereignty in international politics. It concludes that it is necessary to normatively adapt democratic systems to the challenges of the digital age.

Key words: digitalization, digital diplomacy, democratic regimes, political institutions, digital sovereignty.

Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью современных политических процессов, трансформируя формы взаимодействия между государством, обществом и международными акторами. В условиях демократических режимов данная трансформация приобретает особую значимость: с одной стороны, цифровизация открывает новые возможности для расширения участия граждан, повышения прозрачности и эффективности публичной власти; с другой – усиливает риски институциональной эрозии, цифрового популизма и политической манипуляции. Демократия, основанная на принципах открытости и конкуренции, оказывается одновременно наиболее восприимчивой к инновациям и наиболее уязвимой к последствиям неконтролируемого цифрового воздействия. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение того, каким образом цифровые технологии влияют на политические ин-

ституты и дипломатические практики в странах с демократическими политическими режимами.

В настоящей статье предпринимается попытка теоретико-аналитического осмысления процессов цифровизации политической и дипломатической сфер в демократических государствах. Основной акцент сделан на выявлении двойственной природы цифровых технологий как фактора демократического развития и одновременно источника институциональных рисков.

Современные исследования отмечают возрастающее влияние цифровых технологий на политические процессы и дипломатическое взаимодействие в демократических режимах. В научной литературе преобладают два подхода: одни авторы анализируют цифровизацию политики как внедрение технологий в процессы участия (социальные сети, онлайн-голосование), другие – как стратегическое управление цифровыми преобразованиями со стороны государства [1].

По мнению С. В. Володенкова и С. Н. Федорченко, цифровизация ведет к формированию гибридных

государственно-технологических режимов, где власть частично передается цифровым платформам, особенно в сферах парламентской демократии и внешнеполитических коммуникаций [2]. Скептический взгляд представлен Т. Хирблингером и соавторами, которые подчеркивают, что цифровые технологии, наряду с открытостью, порождают нестабильность, уязвимость и риск подрыва доверия в миротворческих и политических инициативах [3]. А. Адлер-Ниссен и К. Эггелинг вводят концепт смешанной дипломатии (blended diplomacy), в которой цифровые практики тесно переплетены с традиционными, изменяя внутренние иерархии и профессиональные роли дипломатов [4]. Китайские и европейские исследователи акцентируют внимание на концепциях цифрового и технологического суверенитета. ЕС использует «digital sovereignty» для легитимации своей внешней политики, в то время как Китай продвигает технологическую автономию в ответ на геополитические вызовы [5; 6]. Ряд авторов критикуют использование цифровых инструментов даже в демократических системах для укрепления контроля и перераспределения политических ресурсов, что ставит под сомнение универсальность модернизационной парадигмы [7]. Например, Шошана Зубофф в своей работе «Эпоха наблюдательного капитализма» подчеркивает, что «даже демократические режимы все чаще прибегают к цифровому надзору, маскируя усиление контроля под риторику эффективности и безопасности» [8].

Несмотря на широту охвата остается недостаточно изученным механизм воздействия цифровизации на качество демократических процедур, таких как электоральное участие, цифровая дипломатическая подотчетность и трансформация политических норм. Неисследованным остается и вопрос о долгосрочной устойчивости демократических институтов в условиях алгоритмической логики цифровых платформ и глобальных ИТ-корпораций, которые активно вовлечены в политические коммуникации. Таким образом, встает необходимость концептуализации политических и дипломатических эффектов цифровизации с учетом особенностей демократических систем.

Авторы задействуют компаративный и институциональный подход, позволяющий проанализировать трансформацию политических институтов под воздействием цифровых технологий в сравнительном контексте. Также используются методы контент-анализа нормативно-правовых актов, официальных стратегий цифровой дипломатии, а также кейс-стади по государствам ЕС и США.

Таким образом, научным вкладом становится междисциплинарная попытка интегрировать исследование цифровых политических технологий и дипломатии в единую аналитическую рамку, ориенти-

рованную на специфику демократических режимов. В статье предложена авторская интерпретация понятия цифровой уязвимости демократии, раскрывающего противоречивые последствия цифровизации для политической устойчивости и международного позиционирования государства.

Цифровизация политических процессов в демократических системах

Внедрение цифровых технологий в политическую сферу демократических государств, например, в США и странах Европейского союза за последние два десятилетия, радикально трансформировало природу политического участия, формы обратной связи между гражданами и государством, а также институциональные механизмы контроля и подотчетности.

Этот процесс получил свое наиболее активное развитие в условиях ускоренной цифровизации, обусловленной как технологическими инновациями, так и экзогенными факторами, такими как пандемия COVID-19, вызвавшая необходимость оперативного перехода на дистанционные формы коммуникации и управления.

Цифровые платформы, включая социальные сети (Facebook, Twitter/X, Instagram (запрещены в Российской Федерации), Telegram и др.), стали основным каналом политической социализации и мобилизации граждан. В условиях демократических режимов эти ресурсы позволяют не только транслировать политическую информацию в обход традиционных СМИ, но и организовывать протесты, подписные кампании и электронные инициативы. Так, например, петиции, направленные через платформу Change.org, в ряде случаев стали поводом для парламентских слушаний в США, Великобритании и Германии.

Однако наряду с расширением возможностей участия происходит смещение акцента с институциональной формы вовлеченности (партийная принадлежность, голосование) на эпизодическое, фрагментарное участие в форме «кликактивизма». Такая трансформация, как отмечает О. А. Воронкова [9], приводит к формированию «сетевой публики», способной к резонансным действиям, но неспособной к устойчивой политической ответственности. Это вызывает институциональные вызовы для партийных систем и традиционных механизмов репрезентации.

Одним из наиболее формализованных направлений цифровизации политических процессов стала система электронного правительства (e-government), направленная на упрощение взаимодействия между государственными институтами и гражданами. В странах с устойчивыми демократическими традициями, таких как Эстония, Канада, Нидерланды, были внедрены системы электронного голосования, онлайн-консультаций и цифрового доступа к норматив-

ной базе. Например, эстонская система i-Voting¹, функционирующая с 2005 г., позволяет избирателям участвовать в выборах через Интернет с полной юридической силой голосов, регулируется Законом о выборах и признана Конституционным судом как соответствующая основам демократии [10].

Цифровые механизмы контроля также получили широкое распространение: цифровые бюджетные платформы, карты общественных обсуждений и мониторинговые панели (например, MySociety² в Великобритании) усиливают прозрачность и подотчетность власти. Вместе с тем, как подчеркивается в документе МИД Китая «Позиция Китая по вопросам глобального цифрового управления», необходимо усилить цифровую компетентность развивающихся стран и уязвимых групп населения за счет образования, технологической помощи [11].

Таким образом, несмотря на потенциал электронного правительства как средства укрепления демократических процедур и институтов, его эффективность зависит от качества нормативно-правовой базы, уровня технической инфраструктуры и способности институтов адаптироваться к цифровым вызовам.

Цифровизация не только создает возможности, но и генерирует риски, подрывающие устойчивость демократических процессов. Одной из главных угроз является алгоритмическая дискриминация, когда автоматизированные системы, действуя без прозрачности и апелляционных механизмов, принимают политически значимые решения. Не меньшую опасность представляет распространение дезинформации. Согласно исследованию, опубликованному в *Misinformation Review* Гарвардской школы управления имени Кеннеди, 83,4 % взрослого населения США выражают обеспокоенность по поводу возможного использования искусственного интеллекта для распространения дезинформации в ходе президентских выборов 2024 г., причем 44,6 % респондентов заявили о «высокой степени тревоги» по этому поводу [12].

Цифровой популизм – еще одно новое явление, возникающее на стыке технологий и политики. Благодаря таргетированной рекламе политические акторы могут персонализировать сообщения и апеллировать к эмоциям избирателей, минуя рациональный политический дискурс. Это ведет к фрагментации общественного мнения и подрыву публичной сферы, о чем свидетельствует пример платформы Cambridge Analytica, ставшей символом политического манипулирования в демократическом контексте.

Наконец, цифровое неравенство – выражающееся в разном уровне доступа к технологиям и цифровым навыкам – формирует новые линии политической маргинализации. Международный союз электросвязи (МСЭ) в отчете за 2023 г. указал, что 93 % населения в странах с высоким уровнем дохода пользуются Интернетом, в то время как в странах с низким уровнем дохода этот показатель составляет лишь 27 %, что ставит под сомнение инклюзивность цифрового участия [13].

Цифровые технологии в системе дипломатического взаимодействия

Цифровизация трансформировала не только внутригосударственные политические процессы, но и механизмы внешнеполитического взаимодействия. В условиях глобальной взаимозависимости, усилившейся в XXI в., цифровые технологии стали неотъемлемым элементом дипломатической практики, повлияв как на характер межгосударственных коммуникаций, так и на институциональную организацию внешнеполитических структур демократических государств. Новые форматы цифровой дипломатии изменили природу дипломатического представительства, расширили арсенал инструментов мягкой силы и поставили в повестку дня вопросы цифрового суверенитета и кибербезопасности [14].

Одним из ключевых проявлений цифровизации дипломатии стало активное использование министерствами иностранных дел и международными организациями цифровых платформ – социальных сетей, специализированных веб-сервисов, видеоконференций, облачных хранилищ и мобильных приложений. В США Государственный департамент опубликовал в 2021 г. *Digital Diplomacy Strategy*, где указано, что цифровые инструменты должны стать «неотъемлемой частью продвижения внешнеполитических интересов и демократических ценностей Соединенных Штатов в киберпространстве» [15]. С момента присоединения к Партнерству открытых правительств (ПОП) в 2013 г. Канада последовательно продвигает концепцию открытого правительства в рамках внутреннего и внешнего госуправления, включая повышение прозрачности международной повестки и вовлечение граждан посредством многостороннего сотрудничества.

В то же время в России сложился альтернативный вектор подхода к цифровому взаимодействию в международных отношениях. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) [16] подчеркивается необходимость защиты государственного суверенитета в информационном пространстве, включая предотвращение использования информационных технологий для вмешательства

¹ i-Voting. URL: https://e-estonia.com/wp-content/uploads/factsheet_i-voting.pdf (дата обращения: 28.04.2025).

² MySociety. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/MySociety> (дата обращения: 28.04.2025).

во внутренние дела страны, обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры и формирование международной системы информационной безопасности на основе равноправного стратегического партнерства. В Доктрине информационной безопасности 2016 г. Российская Федерация однозначно выступила против технологической монополизации транснациональных IT-компаний, подчеркнув необходимость обеспечения цифрового суверенитета через международное сотрудничество [17]. Россия рассматривает «информационный суверенитет» как краеугольный камень национальной безопасности и международной стабильности. В соответствии с этой позицией государствам должно принадлежать право юрисдикции в киберпространстве наравне с традиционным суверенитетом. Отсутствие уважения к цифровому суверенитету, согласно российской точке зрения, ведет к разбалансировке системы глобального управления. Продвигая данную концепцию, Россия осуществляет политику технологической автономии, усиливает нормативно-правовое регулирование и активно участвует в многостороннем сотрудничестве. Однако реализация этих инициатив сталкивается с рядом вызовов – технологического, экономического и международно-политического характера.

Научная дискуссия также свидетельствует о разной интерпретации природы цифровой дипломатии. Например, Корнелиу Бьола и Илан Манор [18] вводят понятие «гибридной дипломатии» (hybrid diplomacy), в которой цифровые и традиционные форматы дипломатической деятельности переплетаются в повседневной практике. Этнографические исследования А. Б. Аусадык демонстрируют, что цифровые инструменты изменяют профессиональные роли дипломатов, повышая значение цифровых навыков и вовлеченности в онлайн-среду [19]. Такая трансформация сопровождается институциональными разрывами между «офлайн»-дипломатами и «цифровыми» специалистами, формируя новые горизонтальные и вертикальные границы в дипломатической службе.

При этом расширение цифровых коммуникаций в дипломатии сопровождается серьезными вызовами. Одним из ключевых рисков являются кибератаки на дипломатические учреждения. В 2020 г. Министерства иностранных дел Норвегии и Чехии подверглись массированным DDoS-атакам, а в 2022 г. хакерские группы предприняли попытки вмешательства в цифровые платформы представительства ООН.

Особую обеспокоенность в международной дипломатии вызывает противоречие между глобальной природой цифровых коммуникаций и суверенными интересами государств. В статье «Искусственный интеллект и цифровая дипломатия» китайский уче-

ный Дун Цинлин [20] отмечает, что ядром китайской цифровой дипломатии является «достижение общего развития посредством технологического сотрудничества, а не технологического принуждения». Он подчеркивает, что продвигаемая Китаем концепция «цифрового сообщества единой судьбы» направлена на баланс между технологическим суверенитетом и международным сотрудничеством, а также выступает против создания цифровых альянсов, основанных на идеологическом разграничении ценностей. Данная позиция контрастирует с подходом ряда западных демократий, продвигающих так называемые «альянсы доверия» (trusted alliances), где акцент делается на общности политических ценностей как основе цифрового партнерства. В этом контексте Китай предлагает инклюзивную альтернативу, ориентированную на обеспечение технологического равноправия и недопущение цифровой фрагментации мира. Тем не менее реализация концепции «Цифрового сообщества единой судьбы» сталкивается с критикой в международном дискурсе: часть аналитиков указывает на ограниченность прозрачности в механизмах реализации данной инициативы, а также на потенциальные геополитические интересы, скрывающиеся за риторикой взаимовыгодного сотрудничества.

Таким образом, цифровые технологии в системе дипломатического взаимодействия демократических режимов выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они открывают новые каналы для публичной дипломатии, ускоряют межгосударственное взаимодействие и усиливают институциональную гибкость. С другой стороны, они актуализируют конфликты нормативных подходов к цифровому суверенитету, усиливают технологическое неравенство между государствами и трансформируют устоявшиеся профессиональные иерархии в дипломатии.

Институциональные и нормативные вызовы цифровой трансформации в условиях демократических политических систем

Цифровые технологии, все глубже проникая в сферу внешней политики и внутриполитических процессов, ставят под сомнение устойчивость традиционных демократических институтов и механизмов международного взаимодействия. Особое значение в этих условиях приобретают институциональные и нормативные аспекты, т. е. то, насколько государственные структуры способны не только интегрировать новые инструменты, но и выработать устойчивые нормы их применения, не вступающие в противоречие с фундаментальными принципами демократии. Проблема, однако, заключается в том, что сама логика цифровизации – алгоритмическая, технологически нейтральная, часто приватизированная – не всегда совместима с политико-правовыми рамками публич-

ной власти, ориентированной на подотчетность и правовой формализм.

Современные демократические режимы сталкиваются с дилеммой: как обеспечить эффективное использование цифровых инструментов в политике и дипломатии, не подрывая при этом институциональные основания демократического управления. С одной стороны, цифровые технологии упрощают доступ к международной информации, позволяют оперативно реагировать на внешние вызовы, расширяют возможности публичной дипломатии и участия граждан в обсуждении внешнеполитических решений [21], а с другой – они вносят элементы неформализованности, подвижности и децентрализации, что затрудняет контроль, вызывает проблемы правового регулирования и подрывает институциональную целостность.

Одним из важнейших вызовов становится отсутствие единых международно признанных стандартов цифровой дипломатии. Поскольку цифровая коммуникация часто осуществляется на платформах, принадлежащих частным транснациональным корпорациям, традиционные принципы суверенитета и дипломатической неприкосновенности теряют свою практическую применимость. Возникает парадокс: государственные субъекты международных отношений все активнее используют каналы, в отношении которых не обладают ни регуляторными полномочиями, ни технической автономией. Это приводит к формированию новой зависимости – не от других государств, а от цифровых инфраструктур, контролируемых негосударственными игроками [22].

Дополнительную сложность привносит то, что политические институты демократических стран зачастую реагируют на цифровые вызовы реактивно, а не проактивно. Регулирование цифрового пространства часто осуществляется «вдогонку» за уже совершившимися технологическими изменениями, что ослабляет эффективность нормативной базы и снижает уровень доверия граждан. В результате наблюдается эрозия институциональной стабильности: официальные дипломатические каналы теряют монополию на формирование внешнеполитического дискурса, а роль влиятельных, но неофициальных источников – блогеров, цифровых активистов, платформенных алгоритмов – возрастает.

Также вызывает беспокойство проблема подотчетности цифровых дипломатических решений. В классической дипломатии ответственность за заявления, действия и последствия несут конкретные институты и лица, обладающие юридическим статусом. В условиях цифровой дипломатии, особенно в формате публичных онлайн-коммуникаций, границы ответственности размываются: трудно определить, какие из сообщений имеют официальную силу, а какие представляют собой спонтанную или эмоцио-

нальную реакцию отдельных политиков, дипломатов или официальных представителей. Подобная неопределенность проявляется как в высказываниях западных лидеров – например, публикациях Дональда Трампа или Владимира Зеленского в Twitter (ныне X) (запрещен в Российской Федерации), – так и в заявлениях азиатских политиков, таких как использование Weibo представителями китайского МИДа или резкие комментарии южнокорейских чиновников в социальных сетях. Это затрудняет процессы политического урегулирования и усиливает взаимное недоверие между государствами.

Ключевым направлением институционального ответа должно стать развитие механизмов транспарентности и цифровой подотчетности. Однако практика показывает, что большинство инициатив в этой сфере либо фрагментарны, либо избыточно ориентированы на технический контроль (например, мониторинг трафика или блокировка контента), игнорируя институциональные и правовые аспекты. Такая односторонняя цифровая безопасность рискует подменить собой политическую ответственность, что в долгосрочной перспективе способно подорвать доверие к демократическим процедурам.

Кроме того, в условиях обостряющейся геополитической конкуренции растет соблазн использовать цифровую инфраструктуру в качестве инструмента внешнеполитического давления [23] – через ограничение доступа, санкционную политику или выборочное распространение информации. Возникает риск фрагментации глобального цифрового пространства на политико-идеологические блоки, что в перспективе грозит разрушением универсалистских основ международного взаимодействия. Безусловное следование технологической логике без политико-правовой рефлексии в этом случае может не только ослабить демократию, но и легитимировать новые формы цифрового неравенства между государствами.

Таким образом, институциональные и нормативные вызовы цифровой трансформации в условиях демократических режимов требуют не просто адаптации существующих моделей, но и выработки качественно новых подходов, сочетающих гибкость цифровых решений с устойчивостью демократических норм. Только в случае, если цифровая дипломатия будет встроена в систему правовой подотчетности и институционального баланса, она сможет стать инструментом укрепления, а не подрыва демократической легитимности.

Итак, цифровые технологии в контексте демократического политического устройства стали не просто инструментом модернизации политического управления и дипломатической практики, но и фактором глубоких институциональных преобразований. Они способствуют расширению каналов политического

участия, ускоряют и повышают эффективность коммуникации между государствами и обществами, делают внешнеполитические решения более открытыми. Однако вместе с этим они порождают и системные вызовы, затрагивающие саму структуру политической легитимности, подотчетности и суверенитета.

Анализ показал, что цифровизация политических процессов приводит не только к демократизации взаимодействия, но и к эрозии традиционных механизмов представительства и контроля. Алгоритмы, платформы и цифровые посредники становятся полноценными участниками политической сцены, при этом выходя за пределы правовой юрисдикции большинства государств. Это требует от демократических институтов выработки новых форм регулирования и взаимодействия, способных учитывать децентрализованную и транснациональную природу цифровой среды.

В сфере дипломатии цифровые технологии трансформируют не только способы коммуникации, но и саму логику международных отношений. Формируется новая институциональная реальность, в которой наряду с государственными акторами действуют частные технологические платформы, а границы между публичной и частной дипломатией все больше размываются. В этих условиях особую актуальность приобретает выработка общепринятых этических и правовых норм цифрового поведения на международной арене, а также защита цифрового суверенитета без ущерба для глобального диалога.

Таким образом, цифровая трансформация в условиях демократических режимов требует баланса между технологической инновацией и институциональной устойчивостью, между открытостью и безопасностью, между глобализмом и суверенитетом. Решение этих задач возможно только в случае, если государства будут не просто внедрять цифровые инструменты, но и осмысленно интегрировать их в контекст демократических норм, укрепляя правовую определенность, политическую подотчетность гражданам и институтам гражданского общества, а также международную солидарность в цифровую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коньков А. Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации / А. Е. Коньков // Вестник СПбГУ. Международные отношения. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 47–68.
2. Володенков С. В. Традиционные политические институты в условиях цифровизации : риски и перспективы трансформации / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 84–103.
3. Hirblinger A. T. Making Peace with Un-Certainty : Reflections on the Role of Digital Technology in Peace Processes beyond the Data Hype / A. T. Hirblinger [et al.] // International Studies Perspectives. – 2024. – № 25. – P. 185–225.
4. Adler-Nissen R. Blended Diplomacy : The Entanglement and Contestation of Digital Technologies in Everyday Diplomatic Practice / R. Adler-Nissen, K. A. Eggeling // European Journal of International Relations. – 2022. – № 28 (3). – P. 640–666.
5. Цай Цуйжун. Стратегия цифровой трансформации ЕС в дискурсе «технологического суверенитета» и «цифрового суверенитета» / Цуйжун Цай, Жо Ян. Чжан // Исследования международной политики. – 2022. – № 1. – С. 9–22. (на китайском языке)
6. Гун Юньму. Возвращение концепта суверенитета в цифровую эпоху и цифровое управление ЕС / Юньму Гун // Европейская интеграция. – 2022. – № 5. – С. 91–104. (на китайском языке)
7. Туробов А. В. Возможности трансплантации политических институтов при торговле технологиями : результаты сетевого анализа в сравнительной перспективе / А. В. Туробов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 65. – С. 310–327.
8. Zuboff S. The age of surveillance capitalism / S. Zuboff // Social theory re-wired. Routledge. – 2023. – P. 203–213.
9. Воронкова О. А. Политическая системность и сетевая социальность : концептуальные аспекты / О. А. Воронкова // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 5. – С. 120–133.
10. Ровинская Т. Л. Электронная демократия в теории и на практике / Т. Л. Ровинская // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 12. – С. 84–96.
11. Министерство иностранных дел КНР. Позиция Китая по вопросам глобального цифрового управления. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/jks_674633/zclc_674645/qt_674659/202305/t20230525_11083602.shtml (дата обращения: 28.04.2025).
12. Harvard Kennedy School. The origin of public concerns over AI supercharging misinformation in the 2024 U.S. presidential election. – URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/the-origin-of-public-concerns-over-ai-supercharging-misinformation-in-the-2024-u-s-presidential-election/> (дата обращения: 28.04.2025).
13. International Telecommunication Union (ITU). Internet Use Report 2023. – URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2023/10/10/ft23-internet-use/> (дата обращения: 28.04.2025).
14. Рюдель М. Ф. Влияние цифровых технологий на международные отношения и дипломатию / М. Ф. Рюдель // Общество и государство. – 2024. – № 2. – С. 59–69.
15. Ростованова М. Г. Цифровая дипломатия как инструмент международных отношений : преимущества и риски / М. Г. Ростованова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 6 (58). – С. 370–374.
16. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президен-

та РФ от 5 декабря 2016 г. № 646. – URL: <https://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения: 28.04.2025).

17. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Рос. газета. – URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 28.04.2025).

18. Bjola C. The rise of hybrid diplomacy : from digital adaptation to digital adoption / C. Bjola, I. Manor // *International Affairs*. – 2022. – Vol. 98, № 2. – P. 471–491.

19. Аусадык А. Б. Новые технологические инструменты в дипломатической практике / А. Б. Аусадык, Е. С. Чукубаев, Р. Е. Уткелбай // *Вестник КазНУ. Сер.: Международные отношения и международное право*. – 2023. – Vol. 104, № 4. – P. 4–10.

20. Дун Цинлин. Искусственный интеллект и цифровая дипломатия : новые темы, новые правила, новые вызовы / Цинлин Дун // *Народный форум : академиче-*

ские рубежи. – 2023. – № 2. – DOI: 10.16619/j.cnki.rmltxsqy.2023.04.008. (на кит. яз.)

21. Победин П. К. Использование искусственного интеллекта и цифровых технологий как метода политического влияния на молодежь / П. К. Победин // *Постсоветский материк*. – 2024. – № 4 (44). – С. 65–78.

22. Каневский П. С. Негосударственные акторы в системе международных отношений цифровой эры : между комплексной взаимозависимостью и онлайн-суверенитетом / П. С. Каневский, К. Е. Петров // *Международная аналитика*. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 37–56.

23. Кубанцева Е. В. Цифровая трансформация государственного управления как фактор достижения цифрового суверенитета в Российской Федерации / Е. В. Кубанцева // *Общество : политика, экономика, право*. – 2023. – № 9. – С. 45–52.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Адамс О. Ю., кандидат политических наук, доцент
E-mail: oyadams_98@yahoo.com

Цян Чун, аспирант

E-mail: qiangyuzhong01@gmail.com

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Adams O. Yu., Candidate of Political Sciences, Associate
Professor*

E-mail: oyadams_98@yahoo.com

Qiang Chong, Post-graduate

E-mail: qiangyuzhong01@gmail.com